

Сытый да согретый, человек начинает грезить о плотском. Перед тем как вернуться в спальню, Ли Шаоянь сделал Тан Юю предложение: У меня отличная звукоизоляция, даже если ты устроишь в комнате дискотеку, снаружи никто ничего не услышит.

Оба преследовали свои скрытые цели, но непонятно как оказались в объятиях друг друга, жадно впившись в губы. Этот поцелуй был подобен сухому хворосту, вспыхнувшему от огня — страстный и изматывающий. Когда Ли Шаоянь пришел в себя, он уже был раздет и прижат к кровати.

А следом его крутили и вертели, «издеваясь» самым тщательным образом.

Ли Шаояню оставалось лишь утешать себя тем, что удовольствие того стоило, так что он не в накладе.

Вчера вечером они не сдержались, и утром, проснувшись, Тан Юй обнаружил на шее след от укуса, оставленный Ли Шаоянем. Даже если застегнуть рубашку на все пуговицы, скрыть его было невозможно. Он как раз искал пластырь, когда столкнулся нос к носу с госпожой Ли, которая с раннего утра готовила «завтрак любви».

— Доброе утро, тетушка... — Тан Юй поспешно прикрыл след от зубов на шее и, слегка смутившись, поздоровался.

Госпожа Ли бросила на Ли Шаояня свирепый взгляд, а затем повернулась к Тан Юю и с нежностью произнесла:

— Какая еще тетушка? Зови меня мамой!

Тан Юй взглянул на помрачневшего Ли Шаояня и, намеренно растягивая слова, «доверительно» произнес:

— Ма-ма...

Тан Юй вырос статным и красивым, внешне вел себя послушно и кротко, а его образ «солнечного кумира» нравился всем: от восьмилетних девочек до восьмидесятилетних старушек. У госпожи Ли уже имелся своего рода фильтр фанатки, и чем больше она смотрела на эту «невестку», тем больше оставалась довольна, и тем сильнее считала собственного сына настоящим зверем. Она тут же вручила Тан Юю увесистый красный конверт.

Лицо Ли Шаояня стало еще чернее.

Преодолевая давление, они закончили завтрак, и тут Ли Шаоянь услышал слова матери:

— Я договорилась сегодня попить чаю с госпожой Цзинь и остальными, как раз недалеко от храма Цзинъань, заодно и благовония воскурим. Шаоянь, отвезешь меня, не будем беспокоить водителя.

Ли Шаоянь кивнул:

— Хорошо, я как раз по пути заскочу в квартиру А-Юя.

Госпожа Ли удивилась:

— Какая еще квартира по пути в Цзинъань? Ты что, купил новую недвижимость?

Тан Юй вставил:

— Это квартира, которую я снимаю.

Госпожа Ли округлила глаза:

— Сяо Юй, почему ты до сих пор снимаешь жилье? Вы что, не живете вместе?

Разумеется, не живут, подумал про себя Ли Шаоянь, но вслух пришлось искать оправдания:

— Просто еще не успели переехать...

Не дав Ли Шаояню договорить, госпожа Ли принялась его отчитывать:

— Шаоянь, как ты можешь так поступать? Раньше ты был так щедр к тем маленьким звездочкам, почему же так скуп со своим парнем? Человеку даже жить негде!

Квартира, в которой сейчас жил Тан Юй, была элитной студией с арендой под двадцать тысяч в месяц. Если это называлось «негде жить», то стажерам компании, ютившимся в общих общежитиях, следовало бы называть себя «бомжами».

— Нет уж, Сяо Юй, слушай меня, — госпожа Ли взяла Тан Юя за руку и с беспокойством добавила: — Этот пройдоха всегда хитер, как заяц, у которого три норы. Если он посмеет на стороне вытворять что-то не то, ты сразу говори маме, мама его проучит.

Тан Юй посмотрел на Ли Шаояня, который мечтал провалиться сквозь землю, едва сдерживая смех, и поддакнул госпоже Ли:

— Хорошо, спасибо, мама.

— Я помню, у тебя ведь была квартира в Томпсон-Ривьера? Если вы не живете вместе, ты что, снова решил спрятать красавицу в золотой клетке? — Госпожа Ли прекрасно знала о состоянии сына и попала в самую точку.

— Мы как раз собираемся переезжать. А-Юй был занят на съемках, времени не было, разве он не только что закончил работу? — Ли Шаоянь, стиснув зубы, попытался оправдаться.

Госпожа Ли подобрела и кивнула, сказав Тан Юю:

— Мама завтра же прикажет людям помочь тебе с переездом, а сегодня придется немного потерпеть.

Наконец добравшись до машины, Тан Юй сел на заднее сиденье рядом с госпожой Ли, и Ли Шаоянь всю дорогу слушал, как она «продает» его с потрохами.

Она рассказала всё: как он в детстве мочил штаны, как в начальной школе стягивал штаны с других мальчишек, в какой университет поступил и где учился в магистратуре; как позже поехал в Пекин открывать свое дело, где его подставили и он остался ни с чем, а вернувшись в Шанхай, начал всё с нуля...

Разумеется, не обошлось и без его «блестящих» любовных походов.

Когда они доехали до храма Цзиньань, Ли Шаоянь припарковался и вышел, чтобы открыть дверь для матери. Он прервал её:

— Мам, может, не надо об этом? Это всё слухи.

— Раз ты посмел это сделать, чего же боишься людской молвы? — Госпожа Ли ничуть не пожалела родного сына. Выйдя из машины, она напоследок добавила: — Ли Шаоянь, веди себя прилично, слышал?

Ли Шаоянь беспомощно кивнул:

— Понял.

Матушка с неохотой попрощалась с Тан Юем, взяла сумочку и, цокая каблучками, зашагала прочь.

Фанатизм лишает разума — и в кругах поклонников это истинная правда.

Проводив госпожу Ли, Ли Шаоянь отвез Тан Юя в его съемную квартиру, где они вновь обсудили вопросы «сотрудничества».

После восемнадцати лет Тан Юй не просил у семьи ни копейки. Четыре года в университете прожил в общежитии, а после выпуска, получив гонорар, снял эту квартиру рядом с вузом и жил здесь до сих пор.

Войдя, Ли Шаоянь окинул помещение взглядом. Вполне чисто и опрятно — для одинокого молодого мужчины это уже было достижением. Вот только между ними пролегла целая пропасть из четырех поколений, поэтому в плане эстетики имелись разногласия: слишком уж новомодные украшения Ли Шаоянь оценить не мог.

— Переезд ко мне — хорошее решение, — сказал Ли Шаоянь. — Ты сейчас на подъеме, за тобой наверняка охотится куча папарацци, а в моем жилом комплексе неплохая охрана.

Он посмотрел на огромный плакат с автографом Гу Цзина на стене и продолжил:

— Хотя некоторые вещи брать с собой не стоит.

Тан Юй слегка смутился, сорвал плакат, свернул его в трубочку и в итоге небрежно запихнул под журнальный столик.

— Нас могли сегодня заснять. Что бы ни писали в интернете, постарайся не принимать это близко к сердцу, компания со всем разберется, — напомнил Ли Шаоянь.

На самом деле он зря волновался: Тан Юй был из тех, кто мог десять-пятнадцать дней не заглядывать в соцсети, если его никто не подгонял, так что подобные проблемы его не касались.

Сегодня Тан Юй впервые узнал, что у Ли Шаояня, которого все так порочили, были свои неизвестные страницы биографии.

Оказалось, Ли Шаоянь не был «богатым наследником во втором поколении». Его компания прошла путь от кучки энтузиастов до публичной корпорации и развлекательной империи всего за десять лет. Тан Юй неожиданно для себя проникся к нему долей уважения. Правда, лишь к его личным способностям, а вот в «человеческих качествах» Ли Шаояня он всё еще сомневался.

Но даже этого уважения было достаточно, чтобы его отношение к Ли Шаояню немного смягчилось.

— Я никогда не читаю комментарии, — безразлично ответил Тан Юй. — Сейчас в это время до тебя будут пробки, так что оставайся сегодня здесь.

Ли Шаоянь, сидя на диване, посмотрел на него с двусмысленным выражением глаз:

— Это значит то, о чем я подумал?

Тан Юй на миг лишился дара речи:

— ...Ты можешь хоть раз в день думать о чем-то другом!

Несмотря на эти слова, в конечном итоге они всё же «помогли друг другу» на диване, не доходя до финала.

На следующий день госпожа Ли действительно узнала адрес Тан Юя и прислала людей, чтобы помочь ему с переездом.

<http://bllate.org/book/20418/2039639>